

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

УДК 342.76

DOI 10.52575/2712-746X-2024-49-1-98-106

Допустимость ограничения конституционных прав и свобод в условиях кризисных ситуаций: понятие и основания

^{1,2} Фомин А.А., ² Захарихина А.А.

¹ Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия,
Россия, 197046, г. Санкт-Петербург, Александровский парк, д. 5;

² Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Россия, 191023, г. Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, 30-32, лит. А.

fominpenza@mail.ru; flower-555@inbox.ru

Аннотация. Обострение геополитических конфликтов в международно-правовом пространстве и деструктивные процессы внутри страны актуализируют дискуссию о концептуальной допустимости, пределах и основаниях ограничения конституционных прав и свобод граждан в условиях кризисных ситуаций. Несмотря на многочисленность публикаций по проблематике ограничения конституционных прав и свобод, практически отсутствуют исследования пределов использования органами государственной власти правоограничительных средств в условиях кризисных ситуаций. Целью исследования является определение понятия и оснований для допустимости ограничений конституционных прав личности в условиях кризиса. В работе использовались этимологический и телеологический подходы, методы системного анализа и формальной логики. В результате выделены фактические (объективные и субъективные) и юридические (правовые – условные и безусловные) основания допустимости конституционных ограничения прав и свобод в условиях кризисных ситуаций. Полученные результаты вносят вклад в дальнейшее развитие теории ограничения прав и свобод человека и гражданина в государственно-правовой практике.

Ключевые слова: ограничения конституционных прав и свобод, особые правовые режимы, кризисные ситуации

Для цитирования: Фомин А.А., Захарихина А.А. 2024. Допустимость ограничения конституционных прав и свобод в условиях кризисных ситуаций: понятие и основания. *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*, 49(1): 98–106. DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-1-98-106

Admissibility of Restrictions on Constitutional Rights and Freedoms in Crisis Situations: Concept and Grounds

^{1,2} Aleksey A. Fomin ² Anastasia A. Zakharikhina

¹ North-Western Branch of the Russian State University of Justice,
5 Alexandrovsky Park, St. Petersburg 197046, Russia

² Saint-Petersburg State University of Economics,
30-32, lit. A. nab. Griboyedov Canal, St. Petersburg 191023, Russia

fominpenza@mail.ru; flower-555@inbox.ru

Abstract. The aggravation of geopolitical conflicts in the international legal space and destructive processes within the country actualize the discussion about the conceptual permissibility, limits and grounds for restricting constitutional rights and freedoms of citizens in crisis situations. Despite the

numerous publications on the problems of restricting constitutional rights and freedoms, there is practically no research on the limits of the use of law-limiting means by public authorities in crisis situations. The purpose of the study is to define the concept and grounds for the permissibility of restrictions on the constitutional rights of an individual in a crisis. The etymological and teleological approaches, methods of system analysis and formal logic were used in the work. As a result, the factual (objective and subjective) and legal (legal – conditional and unconditional) grounds for the admissibility of constitutional restrictions on rights and freedoms in crisis situations are highlighted. The former are divided into objective and subjective. Objective – characteristics of the crisis situation itself (its dynamics, causes, harmful consequences for the state and society), suggesting separate algorithms for the behavior of public authorities and their officials. Subjective – actions of subjects of public law in a crisis. The legal grounds are reduced to the guarantee of rights and freedoms and can be conditional (include those rights and freedoms that may be limited in the event of a crisis situation) and unconditional (not subject to restriction under any circumstances due to the direct instructions of the Constitution of the Russian Federation). The obtained results contribute to the further development of the theory of restriction of human and civil rights and freedoms in state legal practice.

Keywords: restrictions on constitutional rights and freedoms, special legal regimes, crisis situations

For citation: Fomin A.A., Zakharikhina A.A. 2024. Admissibility of Restrictions on Constitutional Rights and Freedoms in Crisis Situations: Concept and Grounds. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 49(1): 98–106 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-1-98-106

Введение

Актуальность исследования конституционно-правовой природы ограничений прав и свобод в системе средств государственного воздействия объясняется, во-первых, неослабевающими процессами дестабилизации общественно-политической жизни в современном мире, нарастающей волной экстремизма, терроризма и национализма; во-вторых, необходимостью разрешения возникающих социальных конфликтов и иных чрезвычайных ситуаций в рамках «правового поля»; в-третьих, отсутствием как в науке, так и в юридической практике однозначной позиции в отношении пределов допустимости использования правоограничительных мер, точных критериев для дифференциации того, что входит в предмет конституционно-правового регулирования, а что находится вне пределов «допустимости» и должно трактоваться как злоупотребление властными полномочиями.

От понимания содержания категории «допустимость ограничения конституционных прав и свобод» зависит и обоснование возможности и целесообразности применения правоограничительных средств в условиях кризисных ситуаций.

Мы полагаем, что существует широкий спектр причин, по которым государство не может обеспечить полноценную и беспрепятственную реализацию прав личности в условиях отдельных кризисных (чаще всего, чрезвычайных) ситуаций, либо когда осуществление человеком и гражданином принадлежащих ему конституционных прав, пользование признаваемыми за индивидом свободами не может иметь место в желаемом объеме ввиду возникновения при этом угрозы интересам государства, общества, его элементам (индивидам и их коллективам) и самой этой личности – обладателю прав и свобод. Очевидно, что в конкретном историческом контексте эти причины могут быть самыми различными, в том числе связанными с недостатками в самой системе государственного управления обществом.

В то же время, независимо от причин неспособности государства в полной мере обеспечить реализацию прав и свобод человека и гражданина, такого рода неспособность становится объективным фактором, препятствующим осуществлению личностью принадлежащих ей прав и пользованию предоставленными ей объективным (в том числе, «естественным») правом свобод. Очевидно, что объективное право «допускает» ограничение

конституционных прав личности в кризисной ситуации как «неизбежное зло» в условиях, когда приходится выбирать между «плохим сценарием» (временное ограничение отдельных прав) и «очень плохим» (усугубление кризиса, которое сделает осуществление прав и пользование свободами в будущем невозможным). Иными словами, мы сталкиваемся с категорией допустимости ограничения конституционных прав и свобод личности в условиях кризисных ситуаций – категорией, от определения которой зависит правомерность действия государственной власти по ограничению прав и свобод.

Методология

Определение категории допустимости ограничения конституционных прав и свобод личности в условиях кризисных ситуаций, по нашему мнению, возможно посредством целого комплекса методологических приемов, основными из которых полагаем этимологический подход, телеологический (целевой) способ познания, формально-логические приемы и метод системного анализа данной правовой категории и основных ее характеристик.

Этимологически допустимость означает возможность¹ (в том числе, объективную возможность²), законность³, позволительность⁴, разрешенность⁵, дозволенность⁶, то есть в обыденном понимании это ситуация, когда то или иное негативное действие или явление может быть допущено в настоящем для того, чтобы избежать чего-либо значительно более неблагоприятного в будущем. Однако данные определения не в полной мере отражают управленческую сущность исследуемого понятия. «Допустимость» (feasibility), согласно определению этого термина в экономической и математической справочной литературе, означает, что при решении задачи (а государственная власть, вводя ограничения прав и свобод, как раз и стремится выполнить стоящую перед ней управленческую задачу – преодолеть кризис) следует рассматривать лишь те значения искомых переменных, которые соответствуют самим условиям задачи и обозначенным в ней ограничениям⁷. Поэтому и используется категория «степень допустимости»⁸, то есть, понятие количественное, что, вообще говоря, не свойственно праву, обычно понимающему допустимость именно с точки зрения качества (доказательство может быть либо допустимым, либо недопустимым, но не «допустимым на 57 %»). В рассматриваемой же нами области юридической науки от степени допустимости напрямую зависит степень ограничения прав и свобод.

Телеологический подход подразумевает, что цели введения ограничений конституционных прав и свобод указаны, в Конституции Российской Федерации. При обращении к тексту российской Конституции, мы видим, что прямо цели ограничения прав и свобод человека и гражданина с кризисной ситуацией никак не увязаны: ч. 3 ст. 55 Конституции РФ предполагает ограничение прав и свобод человека и гражданина, во-первых, лишь в некоторой необходимой мере (степени), но не полностью, и, во-вторых, в целях защиты а) основ конституционного строя, б) нравственности, в) здоровья, г) прав и законных интересов других лиц, д) обеспечения 1) обороны страны и 2) безопасности государства. Тем не менее противоречия здесь нет, поскольку именно в отношении основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства и возникают угрозы, вызванные кризисной ситуацией.

¹ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. 2022. Толковый словарь русского языка. М. : Наука. С. 43.

² Философский энциклопедический словарь. 2022. М., Наука. С. 47.

³ Энциклопедический словарь. 2018. М., Наука. С. 98.

⁴ Даль В.И. 2021. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. М. : Просвещение. С. 102.

⁵ Ушаков Д.Н. 2020. Толковый словарь. М. : Академия. С. 49.

⁶ Ефремова Т.Ф. 2020. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М. : Наука. С. 187.

⁷ Лапузина Е.Н., Лобода А.И., Романов Ю.А., Романова Е.А. 2022. Учебный математический словарь. М. : Просвещение. С. 56.

⁸ Суменко Л.Г. 2022. Англо-русский словарь по информационным технологиям. М. : ГП ЦНИИС. С. 17.

В этой связи интересно, что конституционным законодательством антикризисные цели введения особых (специальных) правовых режимов формулируются более узко. Например, ч. 2 ст. 1 Федерального конституционного закона от 30.05.2001 № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении»¹ указывает, что чрезвычайное положение применяется исключительно для обеспечения безопасности граждан и защиты конституционного строя Российской Федерации, то есть речи о защите нравственности и здоровья граждан, обеспечения обороны страны и безопасности государства не идет. В ч. 2 ст. 1 Федерального конституционного закона от 30.01.2002 № 1-ФКЗ «О военном положении»² указывается нам только одна цель: создание условий для отражения или предотвращения агрессии против Российской Федерации; такая же цель продублирована и в ч. 1 ст. 5 Закона. В ч. 1 ст. 11 Федерального закона от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»³ предусмотрены цели введения правового режима контртеррористической операции, к которым закон относит пресечение и раскрытие террористического акта, минимизацию его последствий и защиту жизненно важных интересов личности, общества и государства.

Противоречия между целями ограничения прав, указанными в Конституции, и целями введения особых правовых режимов, определенными специальным законодательством, не усматривается, поскольку права и свободы человека и гражданина могут ограничиваться далеко не только в условиях кризисной ситуации и в рамках соответствующих специальных (особых) правовых режимов.

Определение категории «допустимость ограничения конституционных прав и свобод личности в условиях кризисных ситуаций»

Полагаем, что при конструировании дефиниции, пригодной в дальнейшем применении, мы должны определить то, как соотносится ограничение прав с решением задачи по преодолению кризисной ситуации и минимизации ее последствий. Если такого рода соотношение позитивно, то право должно «позволить» государству временно ограничить отдельные права и свободы.

В связи с указанным обстоятельством допустимостью ограничения конституционных прав личности в условиях кризисных ситуаций мы предлагаем считать дозволяемое (разрешаемое, допускаемое) правом соотношение исходящих от государственной власти и выраженных в правовых актах действий (решений), направленных на временное ограничение прав и свобод человека и гражданина вследствие кризисной ситуации в целях предотвращения большего, сравнительно с принятыми ограничениями, нарушения его прав и свобод в будущем, минимизации вызванного последствиями кризисной ситуации вреда, с одной стороны, и возможного ущерба вследствие непринятия ограничительных мер для личности, общества и государства, с другой стороны.

Данное определение наиболее полно отражает юридическую сущность допустимости ограничения прав и свобод человека и гражданина. Кратко (хотя и не полностью верно и правильно) мы можем обозначить допустимость как разрешенное правом соотношение между текущим реальным (ограничение прав и свобод) и будущим потенциальным (любые негативные последствия кризисной ситуации для личности, общества и государства) вредом.

Представляется, что такого рода соотношение должно быть менее единицы, то есть вред предотвращенный, безусловно, должен быть значительно больше вреда причиненного.

¹ Федеральный конституционный закон от 30.05.2001 № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» (в ред. от 29.05.2023) // СЗ РФ. 2001. № 23. Ст. 2277.

² Федеральный конституционный закон от 30.01.2002 № 1-ФКЗ «О военном положении» (в ред. от 29.05.2023) // СЗ РФ. 2002. № 5. Ст. 375.

³ Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (в ред. от 10.07.2023) // СЗ РФ. 2006. № 11. Ст. 1146.

Однако сложность здесь заключается в двух моментах: во-первых, как причиненный, так и предотвращенный вред сложно измерить – выразить в количественных показателях – и, следовательно, сложно объективно сравнить (сравнение качественных показателей всегда оценочно и субъективно) и, во-вторых, установление объема предотвращенного вреда всегда затруднено, поскольку последствия глобальных кризисных ситуаций трудно оценить даже как потенциальные. Иными словами, предложенная формула относительно точно действует в условиях кратковременной кризисной ситуации локального характера, вроде террористических действий в небольшом населенном пункте или эпидемии на территории муниципального образования, тогда как по мере «разрастания» кризисной ситуации степень ее точности значительно снижается. Но другой формулы у нас пока нет.

Основания допустимости ограничения прав и свобод личности

Установление допустимости ограничения конституционных прав и свобод человека и гражданина зависит от конкретных юридических и фактических обстоятельств. По нашему мнению, у допустимости ограничения прав и свобод личности должны быть фактические и юридические (правовые) основания.

Фактическое основание допустимости ограничения прав и свобод личности выражается в непосредственной связи такого рода ограничений как с самой кризисной ситуацией, так и с действиями (решениями) органов государственной власти и должностных лиц [Попов, 2006, с. 59]. Таким образом, мы наблюдаем множественность фактических оснований допустимости ограничения прав, которые нельзя свести в единый перечень (список), однако вполне можно и нужно охарактеризовать основные из них.

Мы предлагаем выделять субъективные и объективные фактические основания допустимости ограничения прав и свобод человека и гражданина. К *субъективным фактическим основаниям* мы относим действия самой власти, направленные на преодоление (снятие) кризиса, минимизацию его вредных последствий и выражающиеся, помимо прочего, в ограничении прав и свобод; конечные и траекторные (промежуточные) цели государственной власти, ее планы и программы («расчеты»), иные элементы государственной стратегии выхода из кризиса и т.п. Среди основных *объективных фактических оснований* мы видим саму кризисную ситуацию, точнее, ее содержательные характеристики (предполагаемую пространственную и временную протяженность, вероятность реализации угроз, виды причиняемого ущерба, долгосрочность преодоления вредных последствий и проч.), объективную неспособность власти обеспечить прежний уровень реализации прав личности и пользование ею свободами (очевидная недостаточность ресурсов для этих целей, отрицательная динамика притока ресурсов и обеспечения реализации прав, неблагоприятные прогнозы в этой сфере) и другие.

Правовое основание допустимости ограничения прав и свобод личности мы видим единым; оно выражается в гарантированности прав и свобод государством с помощью правовых и иных (но все-таки выраженных с помощью правовых способов и средств, например, зафиксированных в нормативном правовом акте) механизмов.

Разумеется, сама по себе гарантированность прав и свобод личности государством значительно шире по объему, чем просто ее свойство быть правовым основанием допустимости ограничения прав и свобод личности; это отдельная государственно-правовая категория. Вместе с тем при рассмотрении допустимости ограничения прав и свобод личности ее правовое основание может заключаться только в гарантированности этих прав в целом, когда ограничение прав и свобод будет оправданным, временным, происходить лишь в минимально необходимых для преодоления кризисной ситуации пределах, совершаться в установленном законом процессуальном порядке и немедленно прекращаться, как только в этом отпадает необходимость для целей борьбы с кризисом и его последствиями [Максуров, 2022, с. 148]. Как справедливо пишет Н.Г. Жаворонкова, «рассматривая "право чрезвычайных ситуаций" как право "экстремальное"... приостанавливающее

или даже отменяющее обычные институты права, мы, как в зеркале, можем увидеть ту ничтожную грань, отделяющую право от бесправия, закон от беззакония» [Жаворонкова, 2007, с. 195].

Мы полагаем, что гарантированность прав и свобод человека и гражданина может быть условной и безусловной.

Безусловная гарантированность существует в отношении тех прав и свобод, которые не могут быть ограничены при любой кризисной ситуации.

В частности, ч. 3 ст. 56 Конституции Российской Федерации предусматривает, что не подлежат ограничению права и свободы, предусмотренные статьями 20, 21, 23 (ч. 1), 24, 28, 34 (ч. 1), 40 (ч. 1), 46–54 Конституции Российской Федерации. Среди них можно назвать право на жизнь (статья 20), охрану достоинства личности, запрет пыток, насилия, жестокого или унижающего человеческое достоинство обращения или наказания, принудительного участия в медицинских, научных или иных опытах (ст. 21), право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени (ч. 1 ст. 23) и другие фундаментальные права и свободы личности, большей частью в основе своей имеющие естественные права человека.

Необходимо отметить, что буквальным толкованием российской Конституции можно прийти к выводу, что такого рода права не могут быть ограничены только в условиях чрезвычайного положения, которое прямо упоминается в ч. 1 ст. 56 Конституции РФ [Максуров, 2023, с. 79]. Усматривается ограничение этих «не ограничиваемых ни при каких условиях» прав при иных особых (специальных) правовых режимах, например, при режиме военного положения [Громов, 2008, с. 274]. Так, например, в п. 9, п. 2 ст. 7 Федерального конституционного закона «О военном положении» предусмотрено запрещение или ограничение проведения собраний, а также иных массовых мероприятий, а подпунктом 5 того же пункта той же статьи – приостановление деятельности религиозных объединений, ведущих пропаганду и (или) агитацию, а равно иную деятельность, подрывающую в условиях военного положения оборону и безопасность Российской Федерации.

На первый взгляд, эта норма не коррелируется со ст. 28 Конституции РФ, согласно которой каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними. Вместе с тем противоречия здесь нет: сама свобода совести и вероисповедания, право исповедовать ту или иную религию или не исповедовать никакой не ограничиваются как таковые, ограничиваются собрания (как форма распространения религиозных и иных убеждений) и деятельность религиозных организаций – иных субъектов права. Проведением дальнейшего анализа специальных (особых) правовых режимов (например, режима контртеррористической операции, вводимого в соответствии с положениями Федерального закона «О противодействии терроризму») мы установили, что нормы федеральных законов на права и свободы, не подлежащие ограничению в условиях кризиса, не посягают и их не умаляют.

В результате системного толкования мы можем утверждать, что положение ч. 3 ст. 56 Конституции Российской Федерации о запрете на ограничение прямо поименованных в ней прав и свобод человека и гражданина абсолютно независимо от указания в ч. 1 ст. 56 Конституции РФ именно на чрезвычайное положение как особый (специальный) правовой режим, в период действия которого не могут быть ограничены упомянутые в ч. 3 ст. 56 Конституции РФ права и свободы.

Разумеется, указанную (ч. 1 ст. 56 Конституции РФ) норму нельзя признать совершенной с точки зрения требований юридической техники. Универсальность данного положения требует ее изменения в виде дополнения. В то же время российская Конституция не оперирует термином «кризисная ситуация» (в отличие, кстати, от конституционных актов некоторых других государств), родовым для чрезвычайных и иных ситуаций, дей-

ствуется в паре понятий «право (свобода)» – «правовой режим», в связи с чем мы полагаем возможным дополнение ч. 1 и 2 ст. 56 Конституции РФ лишь указанием на иные правовые режимы, а также на дополнительный акт – федеральный закон, предусматривающий обстоятельства и порядок введения особого правового режима контртеррористической операции, а именно, предлагаем изложить ч. 1 и 2 ст. 56 Конституции Российской Федерации в следующей редакции:

«1. В условиях чрезвычайного или военного положения, режима контртеррористической операции для обеспечения безопасности граждан и защиты конституционного строя в соответствии с федеральным конституционным законом и федеральным законом могут устанавливаться отдельные ограничения прав и свобод с указанием пределов и срока их действия.

2. Чрезвычайное или военное положение на всей территории Российской Федерации и в ее отдельных местностях, а также режим контртеррористической операции могут вводиться при наличии обстоятельств и в порядке, установленных федеральным конституционным законом и федеральным законом».

Полагаем, что именно такой подход будет соответствовать логике построения юридических конструкций, о чем уже указывалось в науке [Максуров, 2013, с. 299]. Все остальные права и свободы человека и гражданина, помимо указанных в ч. 3 ст. 56 Конституции РФ, в кризисной ситуации могут быть ограничены посредством федерального конституционного закона или федерального закона, однако при наличии определенных условий и в прямо установленном законом порядке [Фомин, 2002]. Такую гарантированность мы называем *условной*, так как ее объем, а также качественные характеристики не абсолютны сами по себе, а зависят от различных факторов, таких как конкретная кризисная ситуация и соответствующий особый (специальный) правовой режим, решения уполномоченного на введение специального правового режима лица о применении тех или иных предусмотренных законом ограничительных мер из всего «арсенала» таких мер, характерного для конкретной кризисной ситуации, и других факторов.

Заключение

В результате применения в комплексе метода системного анализа, формально-логических приемов толкования норм Конституции РФ и федерального законодательства, этимологического и телеологического подходов можно определить допустимость ограничения конституционных прав личности в условиях кризисных ситуаций как дозволяемое (разрешаемое, допускаемое) правом соотношение исходящих от государственной власти и выраженных в правовых актах действий (решений), направленных на временное ограничение прав и свобод человека и гражданина вследствие кризисной ситуации в целях предотвращения большего, сравнительно с принятыми ограничениями, нарушения его прав и свобод в будущем, минимизации вызванного последствиями кризисной ситуации вреда, с одной стороны, и возможного ущерба вследствие непринятия ограничительных мер для личности, общества и государства, с другой стороны.

Установить допустимость возможно с помощью исследования ее фактических и правовых оснований. Фактические основания могут быть субъективными (действия самой власти) и объективными (содержательные характеристики кризисной ситуации). Правовое основание на практике выражается в гарантированности прав и свобод государством с помощью правовых и иных механизмов.

Гарантированность прав и свобод государством может быть безусловной (права и свободы, которые не могут быть ограничены при любой кризисной ситуации) и условной (права и свободы, которые могут быть ограничены в силу закона).

Нами предложено дополнение ч. 1 и 2 ст. 56 Конституции РФ с указанием на иные правовые режимы, а также на дополнительный акт – федеральный закон, предусматривающий обстоятельства и порядок введения особого правового режима контртеррористической операции.

Список литературы

- Громов М.А. 2008. О понятии «чрезвычайные правовые режимы», их виды и характеризующие признаки. *«Черные дыры» в российском законодательстве*, 2: 274–275.
- Жаворонкова Н.Г. 2007. Роль права в обеспечении безопасности при чрезвычайных ситуациях. *«Черные дыры» в российском законодательстве*, 3: 194–196.
- Максуров А.А. 2013. Техника построения юридических конструкций (на примере координационной юридической практики). *Юридическая техника*, 7: 299–308.
- Максуров А.А. 2022. Координация действий субъектов права в условиях кризиса. М., ИНФРА-М, 260 с.
- Максуров А.А. 2023. Проблемы реализации прав граждан на участие в управлении государством в условиях кризиса. М., Русайнс, 172 с.
- Попов С.Е. 2006. Кризисные ситуации и конституционные права граждан. «Черные дыры» в российском законодательстве, 2: 59–60.
- Фомин А.А. 2012. Конституционно-правовые основы реализации мер безопасности в условиях кризисных ситуаций. *Вестник Саратовской государственной юридической академии*, 5: 11–17.
- Фомин А.А. 2002. Чрезвычайное законодательство в Российском государстве: Теория. История. Практика. Пенза, Издательство Пенз. гос. ун-та, 246 с.

References

- Gromov M.A. 2008. O ponyatii «chrezvychajnye pravovye rezhimy», ih vidy i harakterizuyushchie priznaki. [On the concept of "extraordinary legal regimes", their types and characteristics]. *«Chernye dyry» v rossijskom zakonodatel'stve*, 2: 274–275.
- Zhavoronkova N.G. 2007. Rol' prava v obespechenii bezopasnosti pri chrezvychajnyh situacijah. [The role of law in ensuring security in emergency situations]. *«Chernye dyry» v rossijskom zakonodatel'stve*, 3: 194–196.
- Maksurov A.A. 2013. Tehnika postroeniya yuridicheskikh konstrukcij (na primere koordinacionnoj yuridicheskoy praktiki). [Techniques for constructing legal structures (using the example of coordination legal practice)]. *Yuridicheskaya tehnika*, 7: 299–308.
- Maksurov A.A. 2022. Koordinaciya dejstvij subektov prava v usloviyah krizisa. [Coordination of actions of legal entities in times of crisis]. Moscow, Publ. INFRA-M, 260 p.
- Maksurov A.A. 2023. Problemy realizacii prav grazhdan na uchastie v upravlenii gosudarstvom v usloviyah krizisa. [Problems of realizing the rights of citizens to participate in government during a crisis]. Moscow, Publ. Ru-Science, 172 p.
- Popov S.E. 2006. Krizisnye situacii i konstitucionnye prava grazhdan. [Crisis situations and constitutional rights of citizens] *«Chernye dyry» v rossijskom zakonodatel'stve*, 2: 59–60.
- Fomin A. A. 2012. Konstitucionno-pravovye osnovy realizacii mer bezopasnosti v usloviyah krizisnyh situacij. [Constitutional and legal bases for the implementation of security measures in crisis situations]. *Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii*, 5: 11–17.
- Fomin A. A. 2002. Chrezvychajnoe zakonodatel'stvo v Rossijskom gosudarstve: Teoriya. Istoriya. Praktika [Emergency legislation in the Russian State: Theory. History. Practice]. Penza, Publishing House of Penza State University, 246 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 25.11.2023

Поступила после рецензирования 20.12.2023

Принята к публикации 25.12.2023

Received November 25, 2023

Revised December 20, 2023

Accepted December 25, 2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Фомин Алексей Александрович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин, Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия; профессор кафедры конституционного и административного права, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, г. Санкт-Петербург, Россия.

Захарихина Анастасия Андреевна, аспирант кафедры конституционного и административного права, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, г. Санкт-Петербург, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alexey A. Fomin, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of State and Legal Disciplines, North-Western Branch of the Russian State University of Justice, Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law, Saint-Petersburg State University of Economics, Saint-Petersburg, Russia.

Anastasiia A. Zakharikhina, Postgraduate student of the Department of Constitutional and Administrative Law, Saint-Petersburg State University of Economics, Saint-Petersburg, Russia.